

Черт, разве я не должен быть главным героем мужского гаремника?

Эта мысль заставила Ши Сюньлюя вздрогнуть. Сознание, которое до этого было выжжено гневом, постепенно возвращалось, позволяя ему с трудом восстановить крупницы рассудка, едва не раздавленного ошеломляющей красотой противника. Гнев в груди вспыхнул с новой силой: словно добропорядочный юноша, которого только что облапал какой-то извращенец, он с силой оттолкнул красавца, злобно вытер рот рукавом и с хрустом сжал кулаки.

Мышцы Ши Сюньлюя напряглись, как у готового к прыжку леопарда. Его глаза, черные, как оникс, наполнились живым огнем, отчего сердце Юнь Тина, стоявшего напротив, дрогнуло, словно тронутая струна цитры.

После того как Юнь Тину исполнилось шестнадцать, его одолели внутренние демоны, и он был вынужден на сотню лет уйти в затворничество на горе Минъюэ Таохуа. Прошное для него стало подобно туманному сну, и все эти дни он проводил лишь в компании зверей, птиц и духовных растений — чисто, но до ужаса скучно.

Вторжение Ши Сюньлюя стало тем самым камнем, брошенным в застоявшуюся воду его души, вызвав череду кругов.

Юнь Тин смотрел на незваного гостя, невольно склонив голову набок. Его влажные глаза светились невинностью и искренностью, а вопрос прозвучал как утверждение:

— Ты сердишься.

Его голос все еще звучал по-детски мягко. Личико размером с ладонь терялось в густых, как тушь, распущенных волосах, а длинные густые ресницы подрагивали, словно крылья бабочки, готовой вспорхнуть в небо.

Ши Сюньлюй оглядел его и подумал: откуда взялось это невинное создание? Неужели секта Юсянь настолько обеднела, что отправляет несовершеннолетних на подработку?!

Чувство справедливости заставило его с яростью засучить рукава, зубы заскрежетали, и он —

Чуть не проткнул плечо Юнь Тина мечом насквозь.

Плывать, что он несовершеннолетний!

К черту всё, это мир самосовершенствования, здесь нет законов, прав тот, кто сильнее. Прости, малыш, но старший брат не выбирает дней для порки.

Однако секундой позже Ши Сюньлюй замер, широко раскрыв глаза от изумления.

Молодой человек двигался подобно призраку. В тот миг, когда Ши Сюньлюй обнажил меч, Юнь Тин лишь слегка сузил зрачки и, едва уловимым движением, уклонился от острия. Лезвие пронеслось в волосах, срезав прядь, и лишь гул металла наполнил воздух.

Не успел Ши Сюньлюй опомниться, как Юнь Тин исчез с прежнего места.

По лбу Ши Сюньлюя скатилась капля холодного пота. Похоже, уровень совершенствования этого парня как минимум выше стадии закладки фундамента.

Ши Сюньлюй попал в этот мир всего год назад. Несмотря на то что он тренировался день и ночь, из-за посредственных способностей с пятью духовными корнями его уровень застрял на пятой ступени стадии очистки ци. Он надеялся прорваться через испытания секты Юсянь, но, судя по всему, разница в силе была колоссальной. О том, чтобы одолеть противника, не могло быть и речи — скорее всего, он сложит здесь свою голову.

Ши Сюньлюй лихорадочно соображал, не переставая настороженно оглядываться по сторонам.

Внезапно прямо у него над ухом раздался знакомый голос, а горячее дыхание коснулось мочки уха, заставив кожу покрыться мурашками:

— Ты ищешь меня?

В этот миг глаза Ши Сюньлюя округлились, кровь ударила в голову, а всё тело пронзило чувство, словно он стал добычей хищника. Он неконтролируемо взмахнул мечом за спину, но противник легко увернулся.

Юнь Тин наблюдал за юношей, не понимая, почему тот, осознавая слабость своих сил, с таким упорством жаждет его смерти. Заложив руки за спину, он продолжал уворачиваться и с любопытством спрашивал:

— Почему ты хочешь убить меня? Из-за того, что я разозлился? Или потому, что я только что поцеловал тебя?

Вопросы сыпались один за другим, подливая масла в огонь. Рассудок Ши Сюньлюя окончательно сгорел. Словно запертый в клетке зверь, он взревел, сложил печать меча, и тысячи клинков, сверкая холодным светом, устремились к Юнь Тину, подобно ливню.

Однако Юнь Тин лишь взмахнул рукой, и мощная духовная энергия, словно волна, разбила все летящие мечи в щепки.

Ши Сюньлюй с ужасом смотрел, как молодой человек, босой, медленно опускается с воздуха, ступая прямо на лезвия его мечей. Его вид был безразличен, словно заснеженная вершина, а слова, произнесенные тихим голосом, ранили больше любого клинка:

— Будем продолжать? Ты не сможешь меня победить.

Юнь Тин склонил голову, на его прекрасном, холодном лице расцвела улыбка. Спрятанные в рукавах руки быстро сложили печать, и нежно-розовая энергия поднялась из его ладоней. Бесчисленные лепестки персикового цвета под его волей стали твердыми и острыми, как лезвия, и вихрем устремились к Ши Сюньлюю.

Хотя Ши Сюньлюй двигался быстро, он получил множество ран. На его белоснежном лице появились порезы, а из глубокой царапины на лбу потекла кровь, похожая на кровавые слезы, отчего он стал похож на демона, выбравшегося из преисподней. Его алые одежды пропитались кровью, превращаясь в темные пятна.

Когда все лепестки соединились в один пронзающий грудь клинок, Ши Сюньлюй почувствовал, как его внутренности скрутило, словно старую тряпку. В голове загудело, как в сломанном телевизоре.

Коротко вскрикнув от боли, он выронил рукоять меча и рухнул на землю, подняв облако пыли.

Юнь Тин подошел к нему. Несмотря на то что он был бос, на его ступнях не было ни пылинки. Он присел на корточки, глядя на поверженного сверху вниз, и вновь собрал в ладони сгусток энергии:

— Ты проиграл. Что, если я убью тебя?

Согласно правилам мира самосовершенствования, тот, кто первым бросил вызов и проиграл, полностью зависит от милости победителя. Ши Сюньлюй не ожидал, что всё закончится так быстро. Поистине, древние духовные звери — это не шутки: даже с ограничительным кольцом, сдерживающим силу на уровне закладки фундамента, убить человека для него проще простого.

Ши Сюньлюй с трудом приподнялся, вытер кровь с уголка губ и, сосредоточенно взглянув на Юнь Тина, усмехнулся:

— Я проиграл. Убивай.

Может, если я умру, то вернусь в современный мир.

Юнь Тин, услышав это, не шелохнулся. Он пристально смотрел на лицо Ши Сюньлюя, чувствуя необъяснимую близость. В его сердце, которое долгое время оставалось неподвижным, вдруг возникло нежелание расставаться с этим человеком. Он нерешительно произнес:

— Ты мне даже нравишься. Если хочешь, оставайся здесь со мной, и я не буду тебя убивать.

Говорил он очень покладисто, уголки глаз чуть опустились, а в глазах, устремленных на Ши Сюньлюя, светилось невольное ожидание. Но в его устах слово нравишься ничем не отличалось от любви к красивым безделушкам или милым послушным питомцам.

Ши Сюньлюй, глядя на него, почувствовал, как ладони предательски зачесались — хотелось взъерошить волосы Юнь Тина. Но тут же слова парня заставили его поперхнуться, и все странные мысли исчезли. Он мрачно ответил:

— Ты мне не нравишься.

— Оу, — Юнь Тин разочарованно опустил голову, и его аура тут же изменилась: он стал похож на маленькую тучку, пропитанную дождем. — За всю мою долгую жизнь никто еще не говорил, что я ему не нравлюсь. Какой неблагодарный.

Подумав об этом, Юнь Тин резко поднял голову и обиженно уставился на Ши Сюньлюя. Персиковые кисточки на его ушах слегка дрожали, словно теряя цвет от плохого настроения хозяина.

Сердце Ши Сюньлюя невольно дрогнуло, он отвел взгляд, чувствуя себя неловко, а потом вдруг подумал: какого черта я оправдываюсь? Он прижал руку к раненой груди и, сплевывая кровь, безжалостно отрезал:

— У меня нет педофилии, ты еще слишком мал.

— Я довольно большой, — Юнь Тин надул губы, не соглашаясь, и начал загибать пальцы, серьезно перечисляя: — Во всех смыслах я довольно большой. Если не считать наставника и старших, которые вот-вот вознесутся, я самый старший и талантливый во всей секте Юсянь.

Ши Сюньлюй подавился кровью:

— ...

С тобой явно что-то не так.

Он хотел съязвить, но, заметив в глазах Юнь Тина невольную гордость, вдруг вспомнил своего домашнего кота-рэгдолла. Тот тоже, когда хотелось ласки, вел себя точно так же: сперва с достоинством, а потом сам тянулся головой к руке.

#Супермило#

Ши Сюньлюй вздрогнул от собственной мысли и от ярости на самого себя снова закашлялся кровью.

Долгое время он просто лежал на земле, глядя на озадаченный профиль Юнь Тина, и, словно обессиленный книжник, из которого высосала жизненные силы лиса-оборотень, пробормотал:

— Лучше убей меня.

Почему я считаю парня милым?! Неужели после попадания сюда законы этого мира даже мою ориентацию искривили?

К черту всё, пусть этот идиотский мир сгорит.

<http://bllate.org/book/19526/1914574>